

Остров кошмаров. Топоры и стрелы

Автор:

[Александр Бушков](#)

Остров кошмаров. Топоры и стрелы

Александр Александрович Бушков

Остров кошмаров #1

В 1839 году при раскопках в британском Ромсийском аббатстве обнаружили свинцовый гроб, в каких в те времена простых людей не хоронили, только знатных. Так вот, гроб был пуст. Правда, не совсем – там лежал деревянный ларец с длинным локоном женских волос золотисто-каштанового цвета. Привидение Анны Болейн, одной из многочисленных жен Генриха Восьмого, регулярно появляется в Тауэре, в так называемом Доме Королевы, где ее содержали до казни. Все, кто ее видел, уверяют, что королева держала в руке свою отрубленную голову в чепце. Офицер из охраны Тауэра как-то ночью видел даже целую процессию придворных в костюмах тюдоровской эпохи, во главе которой шла обезглавленная королева... История Великобритании, щедро напоенная кровью, интригами и предательством, продолжает шокировать своими мрачными мистическими тайнами, о которых с ледяным спокойствием и глубокой убежденностью рассказывается в этой книге. Это история безграничной жестокости, изощренного коварства и чудовищных обманов, порожденных Англией. История уникального, неподражаемого, беспощадного колонизатора; страны, которая первой в мире придумала концлагеря. История государства, обладающего едва ли не самой сильной разведкой в мире. История вселенской заговорщицы. Мирового лидера по слежке за населением. Она началась с того дня, когда на продуваемые холодными ветрами берега высадились римские солдаты...

Александр Александрович Бушков

Остров кошмаров

Топоры и пилы

...и отправился на поле, и услышал, и увидел он при лунном свете, что вышли на поле хищные грабители и лихие воры и грабят и убивают благородных рыцарей, срывают богатые пряжки, и браслеты, и добрые кольца, и драгоценные камни во множестве. А кто еще не вовсе испустил дух, они того добивают, ради богатых доспехов и украшений.

Томас Мэлори. «Смерть Артура»

© Бушков А.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Умное слово от автора

Эта книга, первая из задуманного трехтомника, – вовсе не история Англии. Таковых написано превеликое множество, в том числе у нас в России. Так что в этом плане автор совершенно ничего нового не внес бы, не имея доступа к английским архивам и по незнанию староанглийского, которого подавляющее большинство современных англичан сами не знают, не мог бы читать старинные хроники и прочие рукописи, даже попади они к нему в руки.

Задача в другом. Эта книга – история того, как Англия стала крупнейшим в мире империалистическим хищником, колонизатором. Как превратилась из просто Англии в Великую Британию, как именуется и сегодня, как и нам ее следует именовать. Слово «Великобритания» – лингвистический уродец. Англичане называют свою страну именно «Великая Британия» – «Great Britain».

Кроме того, подробно и вдумчиво будут рассмотрены те весьма неприглядные новшества и предприятия, авторами, изобретателями которых стали как раз англичане. К примеру, именно они первыми не только в Европе, но и в мире придумали концлагеря. И пример этот, как далее убедится читатель, далеко не

единственный. Подобных, с позволения сказать, патентов британцы за свою историю взяли немало. Разумеется, чисто в переносном смысле – писанных патентов на изобретение той или иной гнусности им никто не выдавал, да и брать их британцы не стали бы, чтобы не портить имидж. Однако от фактов не убежишь.

Вполне возможно, что после прочтения этой книги найдется человек, кто обвинит автора в пристрастности и этаким литературном шулерстве. Он скажет, что история любой европейской страны, в том числе и нашей, полна грязи и крови. Так что, мол, легко надергать из нее именно неприглядных фактов, опуская все положительное, представить любую страну монстром.

И все же... Как выражался Шельменко-денщик, герой одноименной оперетты царских времен и недурной советской кинокомедии, снятой по ее мотивам: оно все так, да только чуточку не так.

Вот именно. Очень уж во многом Англия держит сомнительное первенство, оставила другие страны далеко позади. Наверное, нет ни одной европейской монархии, в истории которой не значились бы коронованные особы, убитые, а то и казненные по приговору суда.

Если рассмотреть темпы цареубийств, то первенство тут, увы, держит Россия. У нас за неполных сорок лет были убиты три законных императора. А вот по количеству убитых и казненных королей лидирует как раз Англия, что я буду последовательно доказывать с фактами и именами в руках, благо дело нехитрое. Вполне возможно, многих это удивит, а то и ошеломит, но в третьем томе мы увидим, что последнее убийство британского короля случилось относительно недавно, в 1936 г. Именно так, никаких опечаток.

Многие европейские страны имели колонии, причем немаленькие. Положа руку на сердце, надо признать, что среднеазиатские военные кампании русской армии в XIX в. тоже можно поименовать колониальными захватами. Хотя у них была своя специфика, но они во многом отличались от колониальной практики других стран Европы.

Зверствовали в своих колониях не одни англичане. Можно вспомнить, как уже в начале двадцатого века бельгийцы в захваченном ими Конго в массовом порядке отрубали руки тем, кто не выполнил норму по добыче каучука, введенную

колонизаторами. Однако именно англичане не просто создали самую обширную в мире колониальную империю, над которой и в самом деле, согласно поговорке, сочиненной ими, никогда не заходило солнце. Они как раз и стали первыми в Европе колонизаторами. О захвате ими Ирландии подробно будет рассказано далее.

Мы не знаем и никогда уже не узнаем, кто первым в Европе придумал грабить купцов на дорогах, совершать кражи со взломом, подделывать документы на право собственности, чеканить фальшивую монету. Первые два изобретения относятся вовсе уж к седой древности, к бесписьменным временам. С уверенностью можно сказать одно: всякий раз изобретатель был не один, их примерно в одно и то же время появлялось несколько, в разных концах Европы. Зная человеческую природу, другого вывода и не сделаешь.

Однако совершенно точно известно, кто первым в Европе придумал дефолт, дутые акционерные общества наподобие МММ и массовый выпуск ничем не обеспеченных бумажных денег. Англичане. Все это происходило уже во времена развитой письменности, а последние два случая отстоят от нашего времени всего-то на двести-триста лет. Так что писанных хроник, материалов судебных процессов, мемуаров и газетных статей сохранилось предостаточно.

До определенного времени история Англии была, если можно так выразиться, классической, стандартной. Там происходило то же самое, что и в других европейских странах. Те же войны, вооруженные распри знатных магнатов, кровавое подавление мятежей и убийства королей. Этот период истории Англии я в дальнейшем буду называть традиционным.

Однако с определенного времени история Англии становится, можно сказать, оригинальной, самобытной, теряет всякие признаки традиционности. Англия идет своим путем, а вся остальная Европа плетется в хвосте, завистливо пытаясь повторить ее достижения. Иногда это удается, но чаще всего – нет. Очень уж часто тот, кто начинает какое-то дело первым, так потом и лидирует со значительным отрывом.

Момент, когда Англия как раз и сделала первые шаги на пути к превращению в крупнейшего в мире империалистического хищника, можно определить совершенно точно, без всяких гаданий и построения версий. Все происходило не так уж давно, началось неполных пятьсот лет назад, когда имелась уже не просто письменность, а книгопечатание. Так что свидетельств у нас достаточно,

и они вовсе не притянуты за уши. Прекрасно известны конкретные люди и точные даты.

Можно было бы с этого исторического периода и начать. Но я, пожалуй, начну с 1066 г., с завоевания нормандцами Англии, по моему глубокому убеждению, и заложившего основы того, что впоследствии будет именоваться британским империализмом. Этот самый термин без малейшего смущения употребляли сами английские строители империи на костях и крови, вроде печально знаменитого Сесилия Родса.

Добавлю, что первый в европейской истории дефолт случился в традиционные времена, в XIV в. Разгром католической церкви, произошедший в первой половине XVI в., впоследствии сыграл очень большую роль в формировании менталитета англичан, в методах освоения ими колоний, в изрядной степени отличавшихся от подобной практики других держав.

О том, что происходило до 1066 г., я расскажу кратенько, на паре страничек. Без этого тоже не обойтись. Традиционный период английской истории излагать подробно не буду еще и потому, что порой ничего особенно интересного и не происходило. Расскажу лишь о самых любопытных событиях – войнах, междоусобицах и мятежах, а также их причинах, цареубийствах и трагикомических исторических курьезах, которые я всегда особенно любил.

Я ни с какой стороны не англофоб, поэтому не буду вытаскивать за ушко да на солнышко кое-какие полузабытые преступления, даже наоборот, попытаюсь реабилитировать видных персонажей английской истории, несправедливо оклеветанных на века посредством того, что именуется черной легендой. В том числе двух королей. В чем буду несколько не оригинален, лишь повторю то, что на протяжении не одного столетия писали и говорили английские борцы с черными легендами. К оригинальности я не стремился изначально, она тут совершенно ни к чему.

Одно немаловажное уточнение. Если скрупулезно все подсчитать, то получится, что примерно девяносто процентов информации, легшей в основу этой книги, почерпнуто как раз из английских источников. Объективности ради. Причем речь идет не о каких-то диссидентах либо инакомыслящих. В работе были использованы труды вполне благонамеренных английских авторов, в том числе видных историков, порой допускавших к личным архивам королевского семейства. Даже в книгах суперблагонамеренных историков, склонных не

ниспровергать, а, наоборот, возвеличивать «наше славное прошлое», можно отыскать немало любопытных фактов, работающих как раз на мою концепцию.

Ну что поделаться. Есть события и имена, мимо которых добросовестный историк просто не может пройти. А я тут как тут со своим золотопромывочным лотком. Совершенно тот же принцип. Если трудолюбиво промыть изрядное количество земли, то в лотке заблестит золотой песок или даже мелкие самородки.

Так в нашем случае и произошло. Все английские авторы скрупулезно перечислены в библиографии. Отечественные почти не уступают им числом, но в том-то мой здоровый цинизм и заключается, что из них я брал чисто третьестепенные детали, какие-то уточнения. Так что главная благодарность – английским авторам и нескольким польским, без которых эта книга просто не появилась бы на свет. Говорю это совершенно искренне, без тени иронии. Что бы я делал без Чарльза Диккенса, Уинстона Черчилля, Чарльза Поулсена и пары десятков других английских авторов? Печально сосал бы лапу в нетопленной берлоге.

И напоследок – немного о заголовках, точнее, подзаголовках каждого тома. В какой-то момент я решил, что они непременно должны быть, коли уж книг предполагается целых три. Очень быстро отпала идея, не мудрствуя лукаво, озаглавить книги попросту: «Остров кошмаров?1... 2... 3». Очень уж этот прием затрепан и в литературе, и в кинематографе. В конце концов, великие обходились без этого. Можете вы себе представить «Войну и мир?2», «Римские каникулы?2»? То-то и оно. Я никоим образом не причисляю себя к великим, стараюсь заимствовать у них что-то хорошее и полезное. Имею полное право, как любой другой.

Поразмыслив, я отыскал выход, не лишенный, смею думать, некоторого изящества. Снабдил каждый том названием, выражающим уровень военной техники описываемого времени. Поскольку война всегда занимала изрядную часть времени и сил всей Европы, была делом прямо-таки житейским, затягивалась порой не то что на годы – на долгие десятилетия: Семилетняя война, Тридцатилетняя, Столетняя...

Даже Швейцария, эталон и символ нейтралитета, в этом отношении не без греха. Во-первых, сама-то она означенный нейтралитет держала сотни лет, но вот ее отдельные граждане все это время в немалом количестве воевали за деньги в армиях многих европейских государств. Во-вторых, и Швейцария

относительно недавно пережила свою гражданскую войну, пусть вялотекущую и не такую уж кровавую. В 1848–1849 годах тамошние протестантские кантоны сцепились с католическими.

Одним словом, читатель держит сейчас в руках «Топоры и стрелы». За этой книгой последуют «Пушки и мушкеты», «Истребители и танки». Строго говоря, пушки и первые примитивные ружья появились уже во времена, описываемые в первой книге, но не будем формалистами. Других удачных названий я не отыскал, пусть так и остается.

Итак, очень-очень старая и нисколечко не добрая Англия...

Из глубины времен

Англичане с давних пор любят именовать Европу континентом, к которому они как бы и не имеют отношения, живут на острове. Однако так обстояло не всегда. В давние-предавние времена Британские острова были частью континента, широкий перешеек их соединял с нынешней Голландией. А вот Скандинавия, наоборот, была как раз большим островом. Да и климат был другим. В Британии водились тигры, львы, антилопы, мамонты и даже гиппопотамы.

Тогда, в каменном веке, на будущем острове уже обитало какое-то коренное население – пещерные люди. «Коренное население» – вообще-то понятие зыбкое, неопределенное. Не зря говорится, что коренной житель – это просто предпоследний завоеватель. В любом уголке земного шара волны переселенцев регулярно сменяли друг друга. Кто-то, конечно, был самым первым, но кто именно, уже не доискаться.

О первобытных людях нам известно крайне мало. Археологи находят их орудия труда и войны, но по причине отсутствия тогда письменности неизвестно, как звучало бы хотя бы одно слово на их языке, какие имена они носили. Мы знаем одно: еще до того, как море отделило Британию от континента, там появились новые жители, люди практически современного облика, стоявшие на довольно высокой ступени развития. Они использовали вполне совершенные каменные орудия, костяные иглы для шитья и даже одомашнили животных.

А потом надвинулось море. Ушел под воду и перешеек, соединявший Британию с Европой, а вот Скандинавия, наоборот, с континентом соединилась. Случилось это примерно девять тысяч лет назад. Но этот факт не избавил очередных «коренных» жителей острова от появления новых переселенцев, к тому времени уже умевших делать лодки.

Из-за отсутствия в доисторические времена письменности в распоряжении историков имеются только археологические находки. Они не способны ничего рассказать о людях, сделавших и использовавших эти вещи, об их языке, о том, как они звались.

Так и останется неизвестным, кто же четыре с лишним тысячи лет назад начал на нынешней Солсберийской равнине строить Стоунхендж (по-английски «висячий камень»), грандиозное сооружение из громадных каменных блоков, служившее храмом и обсерваторией. Возле Стоунхенджа найдены орудия труда древних людей, однако с определением их возраста есть проблемы. Ведь любимое и главное оружие археологов – радиоуглеродный анализ – применимо только к органике. Вполне возможно, что орудия эти принадлежат более позднему времени. Интересно, что Стоунхендж, начатый постройкой примерно в 3100 году до Р. Х., перестраивался и совершенствовался на протяжении тысячи трехсот лет (!), пока не принял свой нынешний облик.

Здесь-то и кроется главная загадка. Геологи доказали, что камни Стоунхенджа не местного происхождения. Они доставлены из карьеров, расположенных километрах в двухстах от Солсбери. На то, чтобы добыть их, перевезти на плотах, сложить в гигантское сооружение, требовалось огромное количество людей и, что еще важнее, какой-то мощный побудительный стимул, заставивший их строить и перестраивать в течение тысячи трехсот лет.

Одному племени, даже нескольким, такие труды не под силу. Да и этой мощной побудительной идеи им вроде бы «не по чину» было выработать. Подобная стройка, растянувшаяся во времени, по плечу только хорошо организованной силе, то есть государству, и неслабому. Однако государствам в те времена категорически не полагалось существовать – по крайней мере, так считают историки.

Тот факт, что существует грандиозная, непознаваемая загадка, люди поняли еще в очень давние времена. В попытках дать ему объяснение родилась легенда о волшебнике Мерлине, строителе Стоунхенджа. Он то ли взглядом, то ли

заклинаниями умел двигать камни, даже такие громадные.

Мышление людей двадцатого века явно не особенно и отличалось от мышления их далеких предков. Поэтому родилась новая легенда, в соответствии с духом времени приписавшая постройку Стоунхенджа уже инопланетянам. После безусловно долгого космического путешествия эти ребята почему-то не нашли для себя другого занятия, кроме как громоздить огромные камни для примитивных астрономических наблюдений. А ведь для этого у них наверняка имелась хорошая аппаратура.

Так что Стоунхендж, безусловно, построен землянами. Но нам неизвестно, какими именно, что за идея и организационная сила объединили их аж на тысячу триста лет.

Благодаря тому, что со временем в Древнем Египте и у его ближайших соседей появилась письменность, немало информации о тогдашней жизни и народах дошло до наших дней. Но вот познаний об обитателях Британских островов это не прибавило ни нам, ни насельникам Ближнего Востока. Британия располагалась слишком далеко. Туризма тогда не существовало, а особой надобности в торговых плаваниях, как и в шпионаже, как-то еще не было.

Когда письменность распространилась и на Древнюю Грецию, знаний о Британии не прибавилось, скорее уж наоборот. К легендам, передававшимся устно, добавились письменные, только и всего.

Среди великого множества легенд и красивых сказок, оказавшихся запечатленными в письменном виде, есть и такая. В незапамятные времена – излюбленный сказочниками оборот речи – дочь некоего египетского фараона, предусмотрительно не названного по имени, зачем-то отправилась искать счастья аж в Британию, хотя преспокойно могла бы обосноваться гораздо ближе, коли уж ей так хотелось основать собственное царство. Недалеко от Египта обитало множество племен, стоявших на низком уровне развития, которые относительно легко удалось бы покорить. В Британии ей не повезло. Ее отряд был разбит местными жителями. В сражении погибла она сама.

Легенда красивая, вот только абсолютно не подтвержденная археологическими раскопками. Конечно, очень и очень многие следы человеческой деятельности не обнаружены до сих пор, наверняка включая и целые города, но история все

равно чересчур уж баснословная.

Есть и другая сказочка, гораздо более обширная и проработанная куда лучше. Речь в ней идет о Бруте, потомке знаменитого троянца Энея, покинувшего родные места после падения города. Этот Брут со своими сподвижниками на трехстах с лишним кораблях за год добрался из Италии до большого острова, победил и загнал в глухие места великанов, обитавших там. Обычные люди в тех местах не жили.

Пришельцы постепенно освоили весь остров. В честь своего предводителя Брута они назвали его Британией – почему в таком случае не Брутанией? – а себя – бриттами. Почему не бруттами? Эти самые люди и построили красивый город Новая Троя, впоследствии именовавшийся Лондоном.

В двенадцатом столетии от Рождества Христова эту любопытную историю освятил своим авторитетом выдающийся писатель Гальфрид Монмутский, включивший ее в свой знаменитый труд «История королей Британии». Надо полагать, тогдашним англичанам лестно было вести свою историю от легендарных троянцев.

Впрочем, подобные басни известны у многих народов. Дальше всех в этом отношении пошли японцы. Они, чтобы не мелочиться, довольно долго именовали себя не кем-нибудь, а прямыми потомками богини Аматерасу.

В общем, как выражался герой одной старой комедии, «Я вам не что-либо где, а где-либо как».

К превеликому сожалению, эту романтическую легенду напрочь опровергает археология. В случае если бы потомки Брута столетиями обитали в Британии, после них должно было остаться превеликое множество самых разных предметов – украшений, зданий, орудий труда и войны, надписей на камне и тому подобного, выполненных, естественно, в древнегреческом и троянском стиле. Однако ничего подобного археологи не нашли.

Знатный литератор двенадцатого столетия Гальфрид Монмутский историю эту не сам придумал. Он заимствовал ее у античных, конкретнее, древнегреческих авторов. Вот только нет никакой гарантии подлинности их трудов.

Еще в раннее Средневековье, когда жил и работал Гальфрид, античные рукописи, равно как и собственные европейские старинные документы, подделывались в великом множестве. Благо палеография, наука о старинных рукописях, еще не появилась, и определить подлинность таковых было попросту невозможно. Иногда причины были, так сказать, экономические. Люди, заинтересованные в этом, подделывали документы, дававшие им право на дворянское звание, какие-то земли и привилегии. Иногда фальсифицировались географические и исторические труды, пьесы древнегреческих драматургов. Потом персоны, сделавшие это, с шумом и помпой становились «открывателями древнего культурного наследия».

Примеров такого рода предостаточно. Порой подделки оставались неразоблаченными лет двести. Согласно теории вероятности, есть подозрения, что некоторые фальсификации являются таковыми и сегодня.

Вот интересная история, пусть и не имеющая отношения к Европе, в той ее части, что касается не приобретателя, а творца фальшивок. Но привести ее для иллюстрации стоит, очень уж она любопытная.

В Китае с давних времен существовала мощная индустрия подделок. Там изготовлялось все, что стоило хороших денег, – старинный фарфор, древние монеты и уж тем более рукописи, на которые приходилось тратить гораздо меньше трудов. Промысел расцвел особенно пышно, когда появились европейские покупатели.

Жил-поживал еще до Второй мировой войны оборотистый китайский антиквар, как раз и наладивший прямо-таки конвейерный метод производства древних манускриптов. Лепил он их в одиночку, прямо-таки на коленке, в задней комнате своей лавчонки. Но качество продукции, производимой им, было настолько высоким, что в конце концов его постоянным покупателем стал не какой-нибудь богатый дилетант, а весьма солидное ученое заведение – Британский музей. Сотрудники этого почтенного учреждения так ничего и не заподозрили, хотя среди них было немало серьезных ученых.

Однако надо сказать, что ученые мужи обмишурились не первый раз. Достаточно вспомнить истории пилтдаунского человека и «Песен Оссиана».

Выгоды коллективного труда понимали не только граждане СССР. Антиквар приобщил к своему доходному бизнесу и сыновей, когда они выросли. Теперь в этой лавочке он работал не один.

Когда в 1949 г. войска Мао Цзэдуна вошли в Пекин и начали наступление на юг, семейство сбежало на Тайвань. Оно нисколечко не потеряло от вынужденной эмиграции, продолжало ударно трудиться и там. Благо Британский музей по-прежнему закупал творения их блудливых ручонок прямо-таки на корню. Даже наоборот, доходы антиквара намного возросли. Он резко задрал цены на свою продукцию, проходившую теперь под брендом «уникальные рукописи, с риском для жизни вывезенные нелегально из красного Китая».

Так оно и шло долгие годы. В конце концов деятельность процветающей семейной фирмы прекратилась, так сказать, по чисто техническим причинам. Антиквар состарился и умер, срок подошел. О судьбе его сыновей у меня сведений нет, но вряд ли они окончили дни в пошлой бедности. Очень уж приличные деньги выдоила эта семейка из Британского музея, а бережливость китайцев общеизвестна.

Гром грянул только в самом конце двадцатого века, когда наконец нашелся кто-то, подвергший весь пакет древнекитайских уникамов вдумчивому исследованию. Скандал получился знатный. Оказалось, что папаша с детками впарили Британскому музею ни много ни мало – более шестисот старинных рукописей собственной работы. Нельзя исключать, что иные из фальшивок так и остались неразоблаченными. Такое вполне возможно.

Дело даже не в существовании настоящей индустрии подделок, а в общем состоянии умов древнегреческой ученой мысли. У греков было немало серьезных историков и географов. Они освоили Средиземное и Черное моря, но к северному побережью Европы никто не плавал, не видя в том надобности. А потому в реальное существование Британии греки долго не верили, искренне считали ее сказочным, легендарным островом, выдуманным книжниками, наподобие Атлантиды, ирландского Хай Бризейла или Авалона у самих англичан.

В свое время грек Пифей из Массилии (нынешний Марсель) проплыл вдоль северного побережья Британии и Скандинавии, достиг даже Северного Ледовитого океана и написал книгу о своем путешествии. Сама она не сохранилась, известна лишь по обширным цитатам в трудах других авторов.

В том, что на сей раз мы имеем дело не с подделкой, а с добросовестным отчетом о реальном плавании, убеждает крайне серьезный аргумент. У Пифея подробно и точно описана шуга, густое ледяное крошево, появляющееся в Северном Ледовитом океане незадолго перед тем, как встанут сплошные льды. Труды античных авторов с обширными цитатами из Пифея стали известны в Европе до того, как европейцы сами стали плавать в Северном Ледовитом океане и своими глазами увидели шугу. Так что древний грек Пифей несомненно побывал в приполярных областях, которые добросовестно описал, как и Британию.

Однако греки и ему не поверили, отмахнулись. Они считали, что мореходы горазды на всевозможные выдумки, и по-прежнему полагали острова чем-то легендарным.

Юмор в том, что в то самое время, когда греческие книжники насмехались над побасенками Пифея, люди гораздо более практичные, финикийские купцы, давно и регулярно плавали в Британию за оловом и свинцом. Эти металлы добывали и плавил тогдашние тамошние жители, не такие уж, выходит, и дикари, если умели бить шахты и добывать руду.

Об этом долго никто не знал. Финикийцы были большими мастерами в соблюдении коммерческой тайны, свои торговые маршруты держали в строгом секрете. Чтобы отпугнуть возможных конкурентов, они распускали о дальних краях страшные рассказы. Дескать, там обитают исключительно жуткие чудовища и свирепые людоеды, так что любой, кто туда сунется, живым не вернется.

Надо сказать, что работали эти страшилки идеально. Так что греки, даже самые ученые, продолжали считать Британию красивой сказкой.

Время шло. Ослабевшую Грецию завоевал усилившийся Рим. К нему по наследству перешли взгляды греческих ученых на Британию как на мифологическую землю. Положение решительным образом изменилось только в 55 г. до Р. Х., когда в Ла-Манше появился военный флот Юлия Цезаря.

Тогдашний Рим кое в чем играл роль нынешних США. Штаты старательно насаждают демократию по всему миру, делают это посредством бомбежек, артобстрелов, морской пехоты и проплаченных майданщиков. Эталоном они

полагают исключительно себя самих.

Точно так же Древний Рим только себя, любимого, считал центром культуры и цивилизации. Вокруг него, согласно этой теории, ласкающей самолюбие, располагались исключительно племена дикарей, варваров, которых ради их же блага следовало завоевать, приобщить к цивилизации и культуре. Чем римляне и занимались долго и старательно.

Беглое знакомство с древней историей, в том числе и с трудами римских авторов, убеждает, что дело обстояло, мягко скажем, не совсем так. Есть все основания полагать, что древняя Галлия (нынешняя Франция), которую Цезарю пришлось долго завоевывать, была не скопищем полудиких племен, а самым настоящим государством, откуда римляне как раз и позаимствовали многие новинки. Деревянные бочки вместо огромных глиняных сосудов, океанские парусные корабли вместо своих гребных суденышек, несколько типов повозок, жатку, которую толкали перед собой быки, разные виды оружия и доспехов, даже стиль ювелирных украшений.

Сам Цезарь пишет, что у галлов были большие города, укрепленные так, что римлянам удавалось их взять лишь после долгих трудов, с применением осадной техники, самой современной на тот момент. У них имелась своя письменность, созданная на основе греческого алфавита. Вот только ни строчки из написанного галлами до нас не дошло. Все их библиотеки старательно уничтожил сам Цезарь. Историю, как известно, пишут победители, а от побежденных сплошь и рядом не остается никаких документов и книг.

Но это так, к слову. Главное в другом. Юлий Цезарь, завоевавший Галлию и прочно там обосновавшийся, уже прекрасно знал, что Британия – никакая не сказка, а самая доподлинная реальность. О чем он и упомянул в книге «Записки о галльской войне». Британия получила свое название не в честь мифического Брута, верить в существование которого нет никаких оснований, а по имени своих тогдашних обитателей, кельтского племени бриттов, когда-то переселившихся туда как раз из Галлии. Бритты не раз посылали на помощь своим родственникам-галлам, сражавшимся с римлянами, военные отряды. Какая уж там мифология. Суровая реальность.

Плыть до Британии было недалеко. Расстояние от одного берега Ла-Манша до другого в самом широком месте составляет лишь тридцать два километра. Вот Цезарь и решил заодно завоевать и Британию, чтобы два раза не ездить.

Кампания не задалась с самого начала. Шторма в Ла-Манше не редки. Цезарь угодил в такую именно бурю и лишился всей своей конницы. По одним источникам, корабли, везущие ее, отнесло штормом назад в Галлию, по другим – они вообще потонули все до одного. Так что, когда Цезарь высадился в Британии, у него было только двенадцать тысяч пехоты, маловато для покорения столь немаленького острова, как Британия. К тому же драться бритты умели и любили. Они вовсе не собирались поднимать руки перед первым попавшимся завоевателем, вынырнувшим неведомо откуда, как чертик из коробочки.

Состоялись три больших сражения. Одно из них Цезарь проиграл, два выиграл, но при этом понес такие потери, что наверняка вспомнил греческого царя Пирра. Тот в свое время нанес римлянам сокрушительное поражение, но подсчитал потери и произнес фразу, вошедшую в большую историю, ставшую крылатой: «Еще одна такая победа, и я останусь без войска». С тех пор во многие языки вошли слова «пиррова победа», то есть такая, в которой победитель теряет гораздо больше, чем побежденный.

Именно в таком положении оказался и Цезарь. Так что когда бритты по дикости своей отправили к нему послов с предложением почетного мира, он моментально согласился и уплыл восвояси вместе со всем своим изрядно поредевшим воинством.

Цезарь был человеком упрямым и злопамятным. В следующем году он снова приплыл в Британию с войском и опять одержал пиррову победу. Очередные переговоры, почетный мир... Чтобы хоть как-то сохранить лицо, Цезарь добился от бриттов обещания платить Риму дань. Однако, как известно, обещать – еще не значит жениться. Бритты так и не заплатили ни единого ломаного гроша.

Они явно руководствовались тем же принципом, который гораздо позже взял на вооружение Ходжа Насреддин, за приличные деньги согласившийся обучить в течение двадцати лет эмирского ишака грамоте. Ход его мыслей был предельно прост. За двадцать лет обязательно кто-нибудь умрет – либо эмир, либо ишак, либо сам Ходжа. Примерно так рассуждали и бритты. Рим далеко, и мало ли как может обернуться это дело.

Последующие события показали, что они рассчитали совершенно правильно. Римлянам было попросту не до Британии. Они по горло увязли в собственных

проблемах. Продолжались гражданские войны, охватившие всю империю, власть менялась, победители старательно резали побежденных, те стремились к реваншу.

Цезарь был цинично зарезан прямо в сенате. По сравнению с этим кулачные бои в японском и украинском парламентах предстают и вовсе детской игрой. Подумаешь, несколько фонарей под глазами, порванные пиджаки, сорванные галстуки. Попробуйте повторить римский рекорд – убийство в парламенте главы государства.

Одним словом, какое уж завоевание Британии, тут бы с домашними хлопотами разобраться. Восемьдесят восемь лет бритты жили вольными казаками, не отстегивали ни копейки никакой «крыше».

Дальнейшее коловращение жизни

В период полной независимости бритты создали даже свое государство с собственным царем. Правда, слабенькое, едва-едва сформировавшееся и полное старых противоречий. До этого бритты жили примерно тридцатью племенами, частенько воевавшими меж собой в самых разных комбинациях.

Тем временем и в Римской империи произошли существенные изменения – гражданские войны прекратились, императорская власть усилилась. Теперь можно было вспомнить и о Британии, все эти годы остававшейся для Рима этакой костью в горле. Очень не любили римляне, когда им успешно сопротивлялись всякие дикари, согласно более поздней русской поговорке, жившие в лесу и молившиеся колесу.

В 43 г. от Р. Х. в Британии высадилось уже сорокатысячное римское войско. Часть тамошних племен по каким-то своим соображениям перешла на их сторону, но большинство бриттов забыло прежние распри, выступило единым фронтом. Началась кровавая война, продолжавшаяся ни много ни мало девятнадцать лет. Бритты пару раз вышибали римлян со своего острова. Но в таких случаях римляне напоминали то ли детскую игрушку «ванька-встанька», то ли ту самую знаменитую улитку со склона японской горы Фудзи. Она, конечно, ползет медленно, но в конце концов достигает вершины.

Римляне упрямо возвращались на остров, продвигались все дальше и дальше, как та улитка. Они возводили укрепления и закладывали новые города: Лондиний, впоследствии Лондон, Камулодин, будущий Рочестер, и Веруламей (Сент-Олбанс).

На стороне римлян было отточенное военное искусство. Бритты, в свою очередь, широко использовали супероружие того времени – боевые колесницы, позволявшие им предпринимать атаки двух видов.

Один заключался в том, что колесницы в немалом количестве подлетали к римским боевым порядкам на безопасное расстояние, при котором легионеры, стоявшие в безукоризненном строю, не могли достать их мечами и метательными копьями. На каждой колеснице размещались два-три лучника. Они осыпали противника ливнем стрел, наносили ему немалый урон в живой силе, потом улетали на полном галопе, и в прорыв бросались пешие воины бриттов.

При другом варианте атаки колесницы доставляли вплотную к римскому строю спецназ того времени, отборных воинов, тут же бросавшихся в схватку. Если бритты чувствовали, что им не одолеть противника, то прыгали на колесницы, и те опять-таки галопом уносились с поля боя.

Ответить на это римлянам было нечем. Боевых колесниц у них не было, как и собственных лучников. В отличие от большинства других народов Ойкумены римляне практически не использовали лук ни на войне, ни на охоте, ни даже в качестве детской игрушки, что не перестает меня удивлять.

Однако так уж повелось с древних времен до наших дней. Какие бы технические новинки ни применялись, а войны выигрывает всегда пехота. Вот тут у римлян было несомненное преимущество: отлично вышколенные легионы, профессиональные солдаты против войска, состоявшего большей частью из племенного ополчения, то есть «рядовых необученных», взятых на войну от сохи, шахтерской кирки и гончарного круга, вооруженных абы как.

Так что через девятнадцать лет римляне все же покорили Англию полностью. Именно Англию. На западе и на севере они обломали зубы.

На западе успешно оборонялся и в конце концов отбил Уэльс, в том числе и благодаря географическим условиям. Почти всю территорию Уэльса занимают горы. В такой местности римляне воевать не умели совершенно. Да и никто тогда не мог этого делать как следует.

На севере римлянам яростно сопротивлялись предки нынешних шотландцев, кельты-скотты. Они дрались за каждый клочок земли и без колебаний убивали своих жен и детей, если тем угрожала опасность попасть в плен.

Отвлечемся на пару маленьких лингвистических загадок. Шотландия и сегодня по-английски именуется «Scot Land» – Земля Скоттов, Скотия. Так вот, во-первых, совершенно непонятно, как «Скотланд» превратился в русском языке в «Шотландию». Это название употребляется только в России. Во-вторых, так же непонятно, почему у нас слово «скотт» стали писать с двойным «т» вместо одного, как у англичан. Крепко подозреваю, что это в свое время было сделано благозвучия ради. Очень уж разное значение имеет «скот» с одним «т» в английском и русском. У англичан оно обозначает конкретную национальность, у нас – разнообразную домашнюю животину, вдобавок служит оскорблением.

Римляне со всем усердием воевали со скоттами семь лет, но на сей раз боевая выучка легионов позволила им захватить лишь несколько клочков земли, не более. В конце концов римляне, как это ни было для них унижительно, махнули рукой и отступились, пробормотав сквозь зубы что-то вроде: мол, не больно-то и хотелось.

Зато скотты стали совершать регулярные дружественные визиты на юг, после которых все мало-мальски ценное, включая скот через одну «т», улетучивалось, а то, что нельзя было утащить с собой, горело и рушилось. Эти вот экскурсии приняли такой размах, что стали для римлян серьезнейшей проблемой. Отступать на юг и переселять туда население было бессмысленно. Скотты просто-напросто заняли бы опустевшие земли и продолжали бы прежние забавы. Следовало что-то придумать.

Римляне это сделали. Исторически сложившаяся граница между Англией и Шотландией – она существует и сегодня, но исключительно в виде пунктира на географических картах – тянется от моря и до моря сто двадцать два километра. На всем ее протяжении римляне стали строить уменьшенное подобие Великой Китайской стены. Сначала это был просто высокий земляной вал. Потом по его гребню возвели капитальную каменную стену с шестнадцатью крепостями,

устроенными на ней. Мало того, через каждую римскую милю (1481 м) располагались солидные башни, рассчитанные на гарнизон в пятьдесят человек. Между каждыми двумя такими башнями стояли еще по две сторожевые, рассчитанные на три-четыре караульщика. Пограничную службу там постоянно несли несколько десятков тысяч (!) легионеров.

Это сооружение получило название Вал Адриана в честь императора, скончавшегося в 138 г. н. э. Обошлось оно в астрономическую сумму, но овчинка выделки стоила – ущерб от набегов скоттов был гораздо больше. И набеги прекратились. Вал Адриана оказался скоттам не по зубам. Они были народом сугубо сухопутным, и кораблей, позволявших устраивать набеги с моря, у них не имелось. За всю свою независимую историю Шотландия так и не обзавелась собственным флотом.

Под римским владычеством бритты пребывали около четырехсот лет. Ради пущей исторической точности нужно отметить, что жили они довольно неплохо. Такова уж была специфика римского владычества, ничуть не похожая на более позднюю колонизаторскую политику самих англичан. Император Каракалла, человек весьма неглупый, понимал, что не следует полагаться только на оружие. Он особым указом даровал бриттам одинаковые с римлянами права. Они должны были выполнять набор нехитрых правил – вовремя платить налоги, не бунтовать, сотрудничать с администрацией. При их соблюдении им жилось спокойно и безопасно.

Тем более что оборону Англии целиком взяли на себя римские легионы, и бритты на несколько столетий забыли, что такое война и воинская повинность. Римляне ни у кого не отнимали ни земли, ни имущества и собственные законы соблюдали строго. Так что жаловаться на жизнь у бриттов, в общем-то, не было причин. Каких-либо серьезных бунтов против римлян за эти почти четыреста лет в римских источниках попросту не зафиксировано. Короче говоря, это была не колонизация, а нечто гораздо более мягкое – включение на равных правах в состав империи.

К тому же в означенной империи Британия была далеким захолустьем. А там всегда и живется куда вольнее, и дышится гораздо легче, чем в местах, расположенных ближе к столице империи.

Как напишет потом Иосиф Бродский:

Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.

В точности то же самое демонстрирует нам пример нашего собственного Отечества. На Русском Севере и за Уралом жилось вольнее и дышалось легче, чем в самой России.

В общем, если будете в Англии и у вас найдется время, обязательно съездите к шотландской границе и посетите в Кэрворане Римский военный музей, а в Ньюкасле-на-Тайне – Античный музей местного университета, где выставлена большая масштабная модель Вала Адриана.

Никак нельзя отрицать, что римляне много сделали для Британии. Они построили обширную сеть великолепных дорог, которыми потом англичане пользовались до восемнадцатого (!) века. Познакомили бриттов с передовыми технологиями обработки земли. Завезли в Британию вишневые деревья. Основали первое в Британии лечебное учреждение с горячими минеральными источниками. Позже на этом месте встанет самый знаменитый курорт Великой Британии Бат, блестяще описанный Чарльзом Диккенсом в романе «Посмертные записки Пиквикского клуба».

Римляне часто женились на женщинах бриттов, особенно солдаты, вынужденные годами торчать в провинциальных гарнизонах. Так что за столетия на острове появилось изрядное число полукровок. В Британии обосновалось немало переселенцев из других областей империи, но свободных земель для них хватало, интересы бриттов не были ущемлены и здесь.

Вот кстати. Очень легко определить, какие именно нынешние английские города берут начало от римских военных укреплений. Названия этих городов всегда оканчиваются на «честер» – Ворчестер, Глочестер, Чичестер, Винчестер, Манчестер. Происходит это слово от латинского *castra*, как раз и означающего «укрепление».

Итак, на сытую и безопасную жизнь было отведено без малого четыреста лет. Потом все изменилось к худшему. Одряхлевшая Римская империя подвергалась бесконечным атакам германских племен. Ее легионы изрядно подрастеряли прежнее военное мастерство. Теперь они в значительной части состояли уже не из урожденных римских граждан, а из тех самых германских и галльских

варваров. Великая держава стремительно клонилась к упадку.

Тогдашний император Гонорий понял, что в этих условиях, особенно рассуждая с точки зрения большой стратегии, уже нет смысла и далее удерживать Британию. Часть легионеров – почему только часть, а не все, я объясню чуть позже – и чиновников стала грузиться на подошедшие корабли. Римляне уходили из Британии навсегда.

Точной и подробной информации на сей счет нет. В то смутное время никто не вел исторических хроник, да и собственный писатель у бриттов был тогда единственный, но некоторые скудные сведения позволяют думать, что изрядное число переселенцев, легионеров и «гражданских» римлян, женатых на тамошних женщинах, так в Британии и осталось. Это были уже не сами переселенцы, а их внуки-правнуки. Несколько поколений людей, родившихся уже здесь, с полным на то основанием считали родиной Британию.

Насколько это известно, бритты таких людей не обижали. Они давно потеряли прежнюю воинственность, в значительной степени избавились от дикости, были далеко не прежними, учитывая изрядное число тех самых полукровок, о которых я уже упоминал. Бритты ограничились тем, что ухватили за шиворот нескольких императорских чиновников, не успевших сесть на корабли, и торжественно зачитали им манифест собственного сочинения. Они уже неплохо умели читать и писать, вот и объявили себя вольным народом. С уходом римлян это становилось ясно и без всяких деклараций, но так, надо полагать, было красивее. Бритты не просто становились вольными, но еще и зачитали представителям бывшей федеральной власти манифест об этом.

Потом они отпустили чиновников, ни разу не заехав им по шее, и те радостно побежали на корабли. Я же говорю, к тому времени бритты изрядно цивилизовались.

Лично мне эти представители вольного народа с их дурацким манифестом очень даже напоминают наших перестроечных интеллигентов, отчего-то вообразивших, будто с отстранением от власти КПСС, провозглашением независимой России и приходом капитализма настанет рай на земле и персонально им в карманы неведомо откуда прольется ливень долларовых бумажек. Таких персонажей я в перестройку немало наблюдал лично, и практически все они вскорости резко обнищали.

Бритты, пребывавшие в эйфории, восстановили государство, совсем недолго существовавшее перед приходом римлян, отыскивали себе нового царя, надо думать, из особенно богатых, из тамошней племенной знати. С уверенностью можно сказать, что они стали ждать приход рая на земле. По их твердому мнению, это должно было произойти в самое ближайшее время.

Увы, увы... И пары лет не прошло, как вместо райской жизни наступил сущий кошмар. Шотландцы обнаружили, что на валах, замыкавших границу, а также вблизи них нет ни единого римского легионера, прослышали, что оккупанты ушли, радостно проломил стену во многих местах и хлынули с дружественными визитами. В небо снова потянулись дымы пожарищ. На западе их примеру последовали валлийцы, жители Уэльса, во множестве спустившиеся с горных склонов с пустыми мешками.

К этим двум старым напастям добавилась третья, новая. Еще в последние десятилетия римской власти на Британию устраивали набеги морские пираты из германских племен англов, саксов и ютов, обитавших на территории нынешних Дании, Голландии и Северной Германии. Получив отпор от легионеров, они немного присмирели, но прослышали об уходе римлян и хлынули в Британию, словно зерно из распоротого мешка.

В общем, оказалось, что вольность сама по себе не стоит ни черта. Положение усугублялось тем, что за столетия римского владычества бритты попросту разучились воевать, привыкли, что их защищают легионы. Кое-какое количество солдат, хорошо обученных военному делу, у них имелось. В последнее время римляне в массовом порядке привлекли к службе в легионах бриттов, чтобы не тратить лишние деньги на перевозку легионеров из метрополии. Однако их было мало, чтобы противостоять всем трем напастям сразу.

Бритты пребывали в совершеннейшем отчаянии, наконец-то прозрели и отправили в Рим слезное послание, резко отличавшееся от пафосного манифеста о провозглашении независимой России... тьфу ты, черт! Конечно же, Британии! Извините, ошибся, очень уж все похоже.

Послание это сохранилось и известно под двумя названиями: «Горестное стенание бриттов» и «Этию, трижды консулу, стоны британцев». Это действительно были форменные стенания: «Варвары гонят нас к морю (т. е. к англам, саксам и ютам. – А. Б.), море гонит нас к варварам; меж этими двумя способами смерти мы либо будем перебиты, либо утонем. Но помощи нет. Между

тем страшный голод вынуждает многих сдаться грабителям».

Император Гонорий отписал бриттам в ответ чистую правду. Мол, помочь ничем не могу. Мне надо как-то справиться с собственными проблемами. Обойдитесь уж как-нибудь своими силами, В общем, «денег нет, но вы держитесь».

Царь бриттов Вортигерн судорожно метался в поисках выхода из критической ситуации. В 443 г. он совершил самую крупную ошибку в своей жизни, имевшую самые печальные последствия и для него лично, и для бриттов: позвал на помощь двух вождей из германского племени англов, Хенгиста и Хорсу. Собственно говоря, это были не столько вожди, сколько предводители многочисленных и сильных дружин, за хорошую плату нанимавшихся послужить хоть самому черту. Тогдашний аналог белых наемников нашего времени в Африке.

Хенгист и Хорса усмотрели возможность неплохо заработать и быстренько приплыли в Британию. Они были крутыми профессионалами войны и в два счета весьма качественно накидали и шотландцам, и валлийцам. После этого вожди, согласно письменному договору с царем, должны были уплыть домой, однако не уплыли.

Вортигерн по уши влюбился в красавицу дочь Хенгиста Ровену (Ронуэн), которую папенька зачем-то взял с собой в военный поход. Настолько, что, «любовной жаждой томим», попросил у отца руки дочки.

Хенгист моментально согласился, а потом, невинно помаргивая, вежливо поинтересовался, дескать, ничего, если мы с Хорсой не поплывем домой, а немножко тут поживем? Очень уж у вас в Британии беспокойно, куда ни глянь, разбойники рыщут, страшно оставлять доченьку одну, без родительской заботы.

Вортигерн, ошалевший от спермотоксикоза, тут же согласился. Он пожаловал Хенгиста и Хорсу землями в своих владениях, мало того, разрешил им приглашать на постоянное место жительства их соплеменников-германцев. Впрочем, возможно, что дело тут было не в одном спермотоксикозе. Видимо, Вортигерн, как и многие другие персонажи, облеченные властью, безосновательно полагал себя хитроумным политиком и решил, что присутствие дружин Хенгиста и Хорсы поможет ему успешно бороться и с шотландцами, и с валлийцами, и с морскими пиратами. Он считал, что два матерых волка будут

ходить перед ним на цыпочках и послушно исполнять его приказы. Что называется, связался черт с младенцем.

Свадьбу закатали пышную. Впервые прочитав об этой истории, я утвердился во мнении, что Хенгист расставил классическую «медовую ловушку». А потом мне довелось прочитать парочку книг британских историков, придерживающихся того же мнения.

Прошло какое-то время. Наш влюбленный пингвин осмотрелся по сторонам уже мало-мальски трезво и обнаружил, что дела складываются как-то неправильно. Германцев прибыло очень уж много, Хенгист и Хорса под шумок прибирали к рукам все новые и новые земли. Вортигерн самым жестоким образом рассорился с Хенгистом. Тесть и зять схватились в кровопролитной войне. Продолжалась она недолго. Дружины Хенгиста и Хорсы быстренько разбили вдребезги и пополам хлипкое войско Вортигерна, а его самого убили. Как Хенгист утешил внезапно овдовевшую дочку и нуждалась ли она в этом, в точности неизвестно.

После этого в страну хлынула целая волна англов, саксов и ютов. Они под руководством Хенгиста и Хорсы принялись методично захватывать Британию. Этого уже были не римляне. Задачу перед собой они поставили совершенно другую, решили полностью очистить Британию от бриттов, заселить эти земли германцами и принялись старательно претворять эти планы в жизнь. Бриттов массами сгоняли с земли, из деревень и городов. Тех, кто пробовал сопротивляться или не хотел уходить, преспокойно убивали.

Две тысячи лет спустя потомки англов, саксов и ютов со свастикой на знаменах и на рукавах будут лелеять в точности такие же планы. Они захотят согнать со своих земель куда-нибудь подальше одни народы, например, славян, крымских татар и прибалтов, и заселить эти территории германскими колонистами. Другие народы – евреи и цыгане – вообще подлежали уничтожению до последнего человека. Явно показали себя гены предков. Хорошо, что планы эти ценой большой крови не осуществились, история Хенгиста и Хорсы не повторилась.

Через пару-тройку десятилетий все то, что задумали Хенгист и Хорса, было претворено в жизнь. Уцелевшие бритты все до единого перебрались в Уэльс и Шотландию, где в конце концов слились с местными жителями – благо были им родственники, такие же кельты – и перестали существовать как народ.

Обитатели же Шотландии и Уэльса и на сей раз отбились. Они продолжали наносить дружественные визиты теперь уже германцам, которые в исторически короткие сроки основали на территории Британии семь своих королевств. Их называют еще «саксонским Семицарствием». Именно так – саксонским.

Как-то так получилось, что первую скрипку стали играть именно саксы. Англы отошли на второй план, юты – вообще на третий, им досталось только одно королевство из семи. Память об англах еще сохранилась в слове «англосаксы», которым со времени стали называть себя англичане. Что же до ютов, то они погрузились в полное забвение. Имя этого племени звучит теперь только в названии Ютландского полуострова, на котором расположена современная Дания. Впрочем, многие уже и не помнят, в честь кого полуостров назван. Англы и юты очень быстро ассимилировались с саксами, которые и остались на исторической арене.

История семи саксонских королевств, в общем, стандартна. Она мало чем отличается от современной ей европейской. Те же самые междоусобные войны, заговоры и интриги, череда загадочных смертей молодых принцев, имевших все права на престол, но явно стоявших кому-то поперек дороги. Ничего интересного. Сплошная банальщина.

Через неполных четыреста лет одно из семи королевств, Уэссекс, усилилось настолько, что подчинило себе остальные шесть. Вернее сказать, силой были присоединены только пять. Шестое, Нортумбрия (будущая область Нортумберленд), само попросилось под могучую руку Уэссекса. Этой самой Нортумбрии выпало несчастье граничить с Шотландией. Нужно что-нибудь объяснить?! В 828 г. уэссекский правитель Эгберт стал королем всего Семицарствия, именовавшегося теперь Англия.

К тому времени она уже была христианской. Первая волна христианизации прошла еще при римлянах, но тогдашние христиане-бритты, как и в самом Риме, подверглись нешуточным притеснениям. А потом на остров вторглись германцы-язычники, не питавшие к христианству ни малейшей любви.

В 597 г. в южную Англию, в королевство Кент, основанное еще Хенгистом и Хорсой, приплыли миссионеры, посланные римским папой Григорием Первым. Их возглавлял Августин, настоятель одного из римских монастырей.

Кентскому королю Этельреду приглянулись и визитеры, и их учение, и он совершенно добровольно принял христианство. Примеру короля, разумеется, последовали его подданные. Подобное не раз случалось в европейской истории. За несколько десятилетий христианство распространилось по всей Англии.

Поскольку расходилось оно из столицы Кента Кентербери, папа Григорий в ознаменовании заслуг Августина пожаловал ему сан архиепископа Кентерберийского. Августин стал первым в истории Англии человеком, занявшим этот пост. Официальным главой нынешней англиканской церкви считается королева, однако, согласно неписаной табели о рангах, архиепископ Кентерберийский считается старшим среди равных по званию. Формальных законов на сей счет нет, но есть старинная традиция, а таковые в Англии очень любят и уважают.

С долей прискорбия – грех смеяться над чужими бедами – нужно обязательно упомянуть, что ни принятие христианства, ни объединение семи королевств в одно нисколько не улучшили жизнь англичан в чисто бытовом плане. Скорее уж наоборот. Настала очередь и потомкам захватчиков-германцев испытать на своей шкуре все сомнительные прелести дружественных визитов морских разбойников-скандинавов.

В Скандинавии давненько уже, образно выражаясь, взорвался перегретый котел. Ее жители пустились в разбой не из одной только страсти к наживе. На то были и другие, весьма веские причины.

Земли в Скандинавии были самыми скудными в Европе, а потому там имелось гораздо меньше возможностей зарабатывать на жизнь честным трудом, земледелием и скотоводством. Земли больше не становилось, а население согласно известному библейскому завету увлеченно плодилось и размножалось.

Вообще-то скандинавы, все поголовно, были язычниками и о библейских заветах не имели ни малейшего представления. Им, как и нам с вами, что греха таить, нравился сам процесс. В конце концов критическая масса, образно говоря, лишних людей достигла всех мыслимых пределов.

Человек – создание живучее, одержимое могучей тягой к жизни. Если он вдруг оказывается в крайне стесненных обстоятельствах, то ему как-то не свойственно смиренхонько ложиться под забор и безропотно помирать с голоду. Нет уж,

выжить человек старается любой ценой и какими угодно средствами.

Помянутые лишние люди быстро отыскивали выход из положения. Они построили превеликое множество быстроходных кораблей-драккаров, вооружились как следует и пустились по морям грабить ближайших соседей, в том числе и Англию. Как ни старались валлийцы и шотландцы, но на острове оставалось еще немало добра, с точки зрения скандинавов, бесхозного. Англичане, конечно, печалились и материли судьбу, но кто ж им виноват, если их собственные предки вели себя точно так же, а теперь это ударило бумерангом по ним самим.

Впоследствии этих морских бродяг стали называть в Европе викингами, а на Руси – варягами. Народ был отморозенный на всю голову. От него долгие столетия никому житья не было, хоть волком вой. Англичане же не вдавались в этнографические тонкости. Они именовали весь этот сброд по-своему – датчанами.

Очень быстро среди датчан нашлись светлые головы, сообразившие, что гораздо выгоднее будет не ходить в набеги с непредсказуемыми заранее последствиями. Надо бы захватить побольше земель и вдумчиво эксплуатировать их население. Сказано – сделано.

Чуть ли не двести лет датчане принимали самое активное участие в политической жизни Англии. Выразалось оно в том, что они захватывали на острове обширные территории и устраивались там на ПМЖ. Эти земли в официальных договорах с английскими королями, стиснувшими зубы, по недостатку сил вынужденными смириться с такими вот новшествами, назывались областями датского права.

В конце концов эти ребята решили не мелочиться. Сын датского короля Кнуд захватил всю Англию и правил ею семнадцать лет, пока не умер в преклонных годах. Фигура была значительная, без дураков. Почти все эти годы Кнуд, называемый еще Кнут и Кануд, иногда со скромным добавлением Великий, оставался королем Дании, несколько лет был еще и правителем Норвегии, владел частью Швеции. Так что в европейской политике он играл большую роль. Благо вся она в те времена сводилась к незатейливому тезису: у кого войско сильнее, тот и прав.

Как часто случалось, сыновья Кнуда оказались полной противоположностью отцу, умом, энергией и умением править государством похвастать никак не могли. Тут можно припомнить строчку из стихотворения Тараса Шевченко, «славных прадедов великих правнуки поганы». Но быть королями оба отпрыска Кнуда, Гарольд и Хардекнуд, страшно хотели.

Какое-то время они форменным образом трясли друг друга за грудки, каждый жаждал единоличной власти. Но потом у них хватило ума разделить Англию примерно пополам – то ли по-братски, то ли по справедливости, то ли как карта легла. Хардекнуд получил английский юг, а Гарольд – север с Лондоном.

Через два года после раздела Хардекнуд имел неосторожность надолго задержаться на исторической родине, в Дании, и шустрый братишка Гарольд захватил его королевство. На то, чтобы должным образом ответить братцу, у Хардекнуда не хватало сил. Он печально сидел в Дании и бормотал в адрес Гарольда разные нехорошие датские слова.

Однако печалился он всего два года. Гарольд, не совершивший ровным счетом ничего примечательного в качестве короля, умер, как говорят, своей смертью, что для европейских венценосцев раннего Средневековья в общем-то было нешуточным достижением. Престол в те времена безусловно был зоной повышенного риска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bushkov_aleksandr/ostrov-koshmarov-topory-i-strely

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)